

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 2. С. 81–94.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2023. Vol. 6, no. 2. P. 81–94.

Научная статья / Original article

УДК 1(091)

doi:10.17323/2658-5413-2023-6-2-81-94

«РОССИЯ ПРИЗВАНА К НЕОБЪЯТНОМУ УМСТВЕННОМУ ДЕЛУ»: ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «ПРОГРЕСС» В РОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ В КОНЦЕ 1820-х — 1830-е ГОДЫ

Федор Александрович Гайда

Московский государственный университет

имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия,

fyodorgayda@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования понятия «прогресс» в российской общественной мысли в конце 1820-х и 1830-е годы. В этот период она находилась под преимущественным влиянием философии Ф. В. Й. Шеллинга. Автор делает вывод, что отправной точкой размышлений стали не более ранние рассуждения И. Канта, И. Г. Гердера и Ж. Кондорсе о бесконечном прогрессе разума, морали и права, а мысль Шеллинга об истории как произвольном творчестве личности. В российской общественной мысли этого времени (П. Я. Чаадаев, Н. В. Станкевич, М. А. Бакунин, В. Г. Белинский) прогресс рассматривался как движение человека и человечества к совершенному Царству Христа. Такой процесс не считался линейным, предполагал прорывы

и провалы. Россия в подобных усилиях должна была сыграть свою роль. После европейских революционных событий 1830 года отечественные мыслители настаивали на развитии в России оригинальной интеллектуальной и религиозной традиции, системы образования, на сохранении самодержавия как главного политического гаранта подобной парадигмы. Под прогрессом понималось религиозное и интеллектуальное совершенствование личности и общества. Представление об унифицированном пути прогресса стало складываться под влиянием философии Г. В. Ф. Гегеля только на рубеже 1830–1840-х годов.

Ключевые слова: прогресс, Ф. В. Й. Шеллинг, Г. В. Ф. Гегель, П. Я. Чаадаев, Н. В. Станкевич, М. А. Бакунин, В. Г. Белинский

Благодарности: Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ссылка для цитирования: Гайда Ф. А. «Россия призвана к необъятному умственному делу»: эволюция понятия «прогресс» в российской общественной мысли в конце 1820-х — 1830-е годы // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 1. С. 81–94. doi:10.17323/2658-5413-2023-6-1-81-94.

Literature. Philosophy. Religion

“RUSSIA IS CALLED TO AN IMMENSE MENTAL TASK”:
THE EVOLUTION OF THE CONCEPT OF “PROGRESS” IN RUSSIAN
SOCIAL THOUGHT IN THE LATE 1820S — 1830S

Fyodor A. Gayda

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
National Research University “Higher School of Economics” (HSE University),
Moscow, Russia, fyodorgayda@gmail.com

Abstract. The article examines the problem of the formation of the concept of “progress” in Russian social thought in the late 1820s and 1830s. During this period, the philosophy of F. W. Schelling. The starting point of reflections was no earlier reasoning by I. Kant, I. G. Herder and J. Condorcet about the endless progress of reason, morality and law, but Schelling’s idea of history as an arbitrary creation of

the individual. In Russian social thought of that time (P. Ya. Chaadaev, N. V. Stankevich, M. A. Bakunin, V. G. Belinsky), progress was seen as the movement of man and humanity towards the perfect Kingdom of Christ. Such a process was not considered linear, it involved breakouts and failures. Russia had a role to play in such efforts. After the European revolutionary events of 1830, Russian thinkers insisted on the development in Russia of an original intellectual and religious tradition, an educational system, and the preservation of autocracy as the main political guarantor of such a paradigm. By progress was understood the religious and intellectual improvement of the individual and society. The idea of a unified path of progress began to take shape under the influence of the philosophy of G. W. F. Hegel only at the turn of the 1830–1840s.

Keywords: progress, F. W. J. Schelling, G. W. F. Hegel, P. Ya. Chaadaev, N. V. Stankevich, M. A. Bakunin, V. G. Belinsky

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).

For citation: Gayda, F. A. (2023) “‘Russia is called to an immense mental task’: the evolution of the concept of ‘progress’ in Russian social thought in the late 1820s — 1830s”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 6(2), pp. 81–94. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2023-6-2-81-94.

В европейской философии понятие «прогресс» становится кардинально важным в конце XVIII века в связи с появлением трудов И. Канта, И. Г. Гердера и Ж. Кондорсе. Эти работы были известны в России, однако особой самостоятельной рецепции вокруг самой категории «прогресс» в российской общественной мысли не возникало. В проектах М. М. Сперанского или декабристов речь шла о создании политических систем, которые вполне в духе классического просветительства рассматривались как «идеальные». Разумеется, авторы так или иначе писали о «развитии», «совершенствовании», но в телеологическом ключе, не придавая принципиального значения самому этому процессу как таковому. Сконцентрировать внимание на понятии «прогресс» позволили исторические обстоятельства, сложившиеся после Наполеоновских войн. Революции в Испании и Италии (1820–1823) рассматривались скорее как эпилог уходящей революционной смуты. Наступала новая эпоха,

призванная умирить буйство политических страстей. В деятельности российских тайных обществ наметился очевидный кризис: не случись в 1825 году междоусобицы, наша страна могла и не узнать никакого декабристского восстания. Сложность, неочевидность, разнохарактерность процессов побуждали поставить вопрос о существовании прогресса.

В 1820-е годы в Россию пришла мода на философию Ф. В. Й. Шеллинга. Ученик Канта полагал, что в истории невозможно выстроить никакой линейности: «Теория и история в корне противоположны друг другу. Человек лишь потому имеет историю, что его поступки не могут быть заранее определены какой-либо теорией. Следовательно, историей правит произвол». По этой причине идея непрерывного прогресса, тем более бесконечного, становилась абсурдной: «Сторонники и противники веры в совершенствование человечества полностью запутались в том, что следует считать критерием прогресса; одни рассуждают о прогрессе человечества в области *морали*, критерием чего мы рады были бы обладать, другие — о прогрессе *науки и техники*, который, однако, с исторической (практической) точки зрения является скорее регрессом или во всяком случае прогрессом, антиисторическим по своему характеру, для подтверждения чего достаточно обратиться к самой истории и сослаться на суждения и пример тех народов, которые могут считаться в историческом смысле классическими (например, римлян)». Сколько-нибудь заметный прогресс Шеллинг наблюдал только в сфере политико-правовой: «Если единственным объектом истории является постепенная реализация правового устройства, то критерием в установлении исторического прогресса человеческого рода нам может служить только постепенное приближение к этой цели. Ее полное достижение мы не можем ни предсказать на основании опыта, которым мы к настоящему моменту располагаем, ни априорно доказать теоретически. Эта цель остается вечным символом веры творящего и действующего человека» [Шеллинг, 1987, с. 453, 456].

Работа «Система трансцендентального идеализма», в которой Шеллинг изложил свои взгляды, была опубликована в 1802 году, когда европейский правовой прогресс можно было усмотреть разве что в бонапартовской конституции 1799 года, но и она стала лишь прикрытием военной диктатуры. Однако после Венского конгресса 1814–1815 годов ситуация стала меняться. Гарантом конституционных преобразований выступил Александр I, по инициативе которого во Франции была введена Конституционная хартия и сохранен Гражданский кодекс, конституции появились в Финляндии и Польше, официально обещана российская конституция. В большинстве германских государств конституционный процесс также активно развивался. Новая правовая система в

Европе должна была стать следствием доброй воли монархов, их союза с собственными народами. Тем самым мир обретал эволюционную перспективу и сворачивал с пути революционных потрясений. Шеллинг мог быть доволен.

Сторонником такой парадигмы стал П. Я. Чаадаев, остывший в своем прежнем политическом радикализме и в 1823 году покинувший Россию ради личных духовных поисков. В путешествиях по Европе сложилась его философская концепция, в основе которой лежала идея духовного прогресса. В истории российской общественной мысли понятие прогресса впервые стало столь значимым. Неудивительно, что «Философические письма» были написаны на французском: русский язык соответствующей терминологии еще не имел. Прогресс в человеческой истории становился возможен благодаря откровению Ветхого и в особенности Нового Завета:

Удивительное понимание жизни, принесенное на землю создателем христианства; дух самоотвержения; отвращение от разделения; страстное влечение к единству: вот что сохраняет христиан чистыми при любых обстоятельствах. Так сохраняется раскрытая свыше идея, а через нее совершается великое действие слияния душ и различных нравственных сил мира в одну душу, в единую силу. Это слияние — все предназначение христианства. Истина едина: царство Божье, небо на земле, все евангельские обетования — все это не иное что, как прозрение и осуществление соединения всех мыслей человечества в единой мысли; и эта единая мысль есть мысль самого Бога, иначе говоря, — *осуществленный нравственный закон*. Вся работа сознательных поколений предназначена вызвать это окончательное действие, которое есть предел и цель всего, последняя фаза человеческой природы, разрешение мировой драмы, великий апокалипсический синтез.

[Чаадаев, 1991, т. 1, с. 440]

Человеческая история, по Чаадаеву, развивалась в направлении Божьего Царства, но не линейно, а по Шеллингу: через прорывы и провалы. Если Средневековье мыслитель считал замечательной и светлой эпохой европейского единства и прогресса, то Ренессанс — языческой реакцией. Реформация раскалывала христианский мир, что для Чаадаева никакого оправдания не имело [Там же, с. 401–414]. При этом интересно отметить, что филокатоличество Петра Яковлевича было не религиозным, а историософским. Самым сильным впечатлением от посещения католической Италии стала двухчасовая беседа в Уффици с методистским проповедником Ч. Куком [Чаадаев, 1991, т. 1, с. 462; Кара-Мурза, 2019, с. 20–25]. Богослужение с участием папы римского Чаадаеву

не понравилось: оно было сосредоточено на восхвалении самого понтифика, а не Христа [Кара-Мурза, 2019, с. 33–34]. Между тем Чаадаев был сосредоточен именно на Христе и его учении, в том числе о единстве человеческого рода, которое окончательно достижимо в Небесном Царстве. В письме С. С. Мещерской от 27 мая 1839 года он именует себя «христианским философом» [Чаадаев, 1991, т. 2, с. 135], в «Записке графу Бенкендорфу» (1832) мыслитель отрицает «нелепую и безбожную» философию Просвещения, а Французская революция и вообще представлялась ему вселенской катастрофой [Там же, т. 1, с. 521–522]. Иными словами, Европа имела возможность истинного христианского прогресса, но отнюдь не всегда двигалась по этому пути. Взгляд Чаадаева в данном случае оказался близок представлениям А. Сен-Симона о «новом христианстве», работами этого философа Петр Яковлевич интересовался в начале 1830-х годов [Там же, т. 2, с. 310].

Как известно, взгляд на Россию в «Философических письмах» отличался особой критичностью. Однако после Французской революции 1830 года многое поменялось. 18 сентября 1831 года Чаадаев писал А. С. Пушкину:

Еще недавно, с год тому назад, мир жил в полном спокойствии за свое настоящее и будущее и в молчании проверял свое прошлое, поучаясь на нем. Ум возрождался в мире, человеческая мысль обновлялась, мнения сглаживались, страсть была подавлена, гнев не находил себе пищи, тщеславие находило себе удовлетворение в прекрасных трудах; все людские потребности ограничивались мало-помалу кругом умственной деятельности, и все интересы людей сводились мало-помалу к единственному интересу прогресса вселенского разума. Во мне это было верой, легковерием бесконечным. В этом счастливом покое мира, в этом будущем я находил мой покой, мое будущее. И вдруг нагрянула глупость человека... и мир, безопасность, будущее, — все сразу обратилось в ничто... У меня навертываются слезы на глазах, когда я вижу это необъятное злополучие старого, моего старого общества.

[Там же, с. 70–71]

«Глупостью» философ именовал отмену королем Карлом X Конституционной хартии 1814 года, что спровоцировало революционную катастрофу.

Надежда Чаадаева теперь обращалась на Россию, которая единственная в Европе способна была к оригинальному развитию. В том же письме появилась важная приписка. Чаадаев прочел пушкинские стихотворения «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» и поспешил высказать другу свое восхищение:

Никогда еще вы не доставляли мне такого удовольствия. Вот, наконец, вы — национальный поэт; вы угадали, наконец, свое призвание. Не могу выразить вам того удовлетворения, которое вы заставили меня испытать... Стихотворение к врагам России особенно изумительно; это я говорю вам. В нем больше мыслей, чем их было высказано и осуществлено за последние сто лет в этой стране... Мне хочется сказать себе: вот, наконец, родился наш Дант... может быть, слишком поспешный. Подождем.

[Там же, с. 72–73]

Другому своему другу А. И. Тургеневу Чаадаев позднее напишет о происшедшем еще более резко: «Пришедшая в остолбенение и ужас Европа с гневом оттолкнула нас; роковая страница истории, написанная рукой Петра Великого, разорвана; мы, слава Богу, больше не принадлежим Европе: итак, с этого дня наша вселенская миссия началась» [Там же, с. 99]. Тем не менее Чаадаев уповал на Россию именно в общеевропейском контексте: «Россия призвана к необъятному умственному делу: ее задача дать в свое время разрешение всем вопросам, возбуждающим споры в Европе. Поставленная вне того стремительного движения, которое уносит там умы, имея возможность спокойно и с полным беспристрастием взирать на то, что волнует там души и возбуждает страсти, она, на мой взгляд, получила в удел задачу дать разгадку человеческой загадки» [Там же, с. 92]. Непричастность к европейскому политическому водовороту не означала стагнации. Наоборот, подразумевался истинный прогресс: «Россия слишком могущественна, чтобы проводить политику национальную... ее дело в мире есть политика рода человеческого... Провидение создало нас слишком великими, чтобы быть эгоистами... все наши мысли в жизни, науке, искусстве должны отправляться от этого и к этому приходить... в этом наше будущее, в этом наш прогресс» [Там же, с. 96]. Подобные строки могли бы позднее выйти из-под пера Ф. М. Достоевского. В 1860 году он напишет: «Мы предугадываем, и предугадываем с благоговением, что характер нашей будущей деятельности должен быть в высшей степени общечеловеческий, что русская идея, может быть, будет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа в отдельных своих национальностях; что, может быть, все враждебное в этих идеях найдет свое примирение и дальнейшее развитие в русской народности» [Достоевский, 1978, с. 37].

В 1832 году Чаадаев от имени И. В. Киреевского сочинил записку начальнику III Отделения гр. А. Х. Бенкендорфу, в которой наметил целую программу развития России. Полностью отрицая «революционное начало как начало разрушения и крови», философ предполагал, во-первых, пробуждение религиоз-

ного чувства, которое, по мысли Чаадаева, лежало в основании европейской образовательной системы. После этого можно и нужно было реформировать и ее: «Прежде всего, нам следует приложить все старания к тому, чтобы приобрести серьезное и основательное классическое образование; образование, позаимствованное не из внешних сторон той цивилизации, которую мы находим в настоящее время в Европе, а скорее от той, которая ей предшествовала и которая произвела все, что есть истинно хорошего в теперешней цивилизации». Иными словами, Чаадаев указывал на иезуитские коллегии, которые в XVI–XVIII веках давали лучшее в Европе образование. Это, в свою очередь, позволило бы приступить к отмене крепостного права «во имя дальнейшего прогресса у нас, и в особенности прогресса морального» [Чаадаев, 1991, т. 1, с. 517–518, 522]. Именно так трактовалась «всемирная прогрессия ума» [Киреевский, 1979, с. 96, 98], о которой писал шеллингианец Киреевский и за которую в 1832 году поплатился закрытием журнала «Европеец» (устаами Киреевского Чаадаев объяснял Бенкендорфу, что о революции и даже конституции в статье речи нет). Узнав о том, что Шеллинг приступил к чтению лекций по философии откровения, Чаадаев писал ему в 1832 году: «В моих сокровенных положениях прогресса и совершенствования я предназначал вас к осуществлению того великого переворота, к которому, на мой взгляд, стремится новый разум: и вот мне говорят, что уже не земную науку возвещает ваше красноречивое слово, а науку небесную; мои желания, мои предчувствия осуществились в некотором роде!» [Чаадаев, 1991, т. 2, с. 77].

Когда министром народного просвещения стал С. С. Уваров, Чаадаев решил написать письмо на имя императора Николая I с просьбой быть причисленным к этому ведомству: «Я полагаю, что на учебное дело в России может быть установлен совершенно особый взгляд, что возможно дать ему национальную основу, в корне расходящуюся с той, на которой оно зиждется в остальной Европе, ибо Россия развивалась во всех отношениях иначе, и ей выпало на долю особое предназначение в этом мире. Мне кажется, что нам необходимо обособиться в наших взглядах на науку не менее, чем в наших политических воззрениях, и русский народ, великий и мощный, должен, думается мне, вовсе не подчиняться воздействию других народов, но со своей стороны воздействовать на них». Из этого вытекало представление о необходимости сохранения в России самодержавия: «Я глубоко убежден, что какой-либо прогресс возможен для нас лишь при условии совершенного подчинения чувств и взглядов поданных чувствам и взглядам Монарха» [Там же, с. 83–84].

Можно сделать вывод о близости подходов Уварова и Чаадаева, однако министр все же предполагал ориентироваться на современные ему немецкие

университеты [Шевченко, 2003, с. 71–78], в то время как философ апеллировал к европейскому прошлому. Как бы то ни было, Бенкендорф решил не передавать царю слишком смелого чаадаевского письма [Чаадаев, 1991, т. 2, с. 315], а через три года, как известно, было опубликовано другое его письмо — «Апология сумасшедшего» (1837). Оно создало Чаадаеву ту репутацию, которую мыслитель имеет до сих пор. Сам он видел свою задачу в возбуждении, наконец, в России того религиозного и интеллектуального движения, о котором писал Бенкендорфу в 1832 году [Там же, т. 1, с. 523–524, 533–534, 537]. Задача в целом была выполнена, хотя и не совсем таким образом, каким полагал сам философ.

Как и Чаадаев, другие русские шеллингианцы 1830-х годов не связывали прогресс с политическими изменениями. На первом месте было нравственное совершенствование. Н. В. Станкевич в 1834 году писал: «Потребность веры становится сильнее и сильнее, а постепенное воспитание человечества есть одно из сладчайших моих верований. И как отрадно видеть его в согласии с бытием природы, с сущностью человеческого знания, человеческой воли!» И тут, как и в случае с Чаадаевым, делался важный вывод: «Или я худо понимаю Шеллинга, или мысли его о человеке оскорбительны! Полагая, что натуральное влечение одного человека (эгоизм) ограничивает свободу другого, он говорит, что прогрессивность в истории есть улучшение общественных отношений (законов), т. е. улучшение средств противодействовать эгоизму, уравнивание эгоизмов чрез действие и противодействие. Он исключает из истории науки и искусства и допускает только по степени их влияния (больше вредного, по его мнению) на правление». В этой связи Станкевич, как и Чаадаев, обращался к французской мысли: «Мне больше по сердцу мысль Гизо — представить в истории постепенное развитие человека и общества» [Станкевич, 1988, с. 185–186]. Взгляды Ф. Гизо на историю формировались под влиянием А. Сен-Симона. Подобно Чаадаеву, Станкевич тоже пытался пробовать себя на ниве народного просвещения, по окончании университета став почетным смотрителем Острогожского уездного училища в Воронежской губернии.

По-видимому, именно под влиянием Станкевича термин «прогресс» вошел в язык В. Г. Белинского. Первоначально это связывалось именно с литературным развитием¹. По мере погружения в философию Белинский ввел в свою публицистику понятие о прогрессе разума: «...только в ходе человеческой мысли заключается исторический прогресс». Примечательно, что само это слово

¹ Первое применение этого понятия у Белинского фиксируется в декабре 1834 года в «Литературных мечтаниях»: «Если бы г. Погодин прогрессивно возвышался в своих повестях, то русская литература имела бы в нем такого писателя, которым по справедливости могла бы гордиться» [Белинский, 1953–1959, т. 1, с. 94].

(первый письменный пример употребления на русском языке) в 1836 году появилось у критика в ироническом ключе, да еще и в «Газете мод и новостей» [Белинский, 1953–1959, т. 2, с. 86]². Под «разумом» тут тоже понимались ум и чувство. Их развитие на основе Шеллинга проповедовал друг Белинского М. А. Бакунин. В письме сестрам Беер от 7 мая 1835 года он писал: «Жизнь человека подобно жизни человечества представляет последовательное и прогрессивное развитие всех чувств и всех идей. Это — вечное стремление части к целому... Это — последовательный и прогрессивный процесс победы Бога над материей» [Бакунин, 1934, с. 169–170].

1 апреля 1836 года в доме Левашовых Бакунин имел длительную беседу «с г. Чаадаевым о прогрессе человеческого рода, коего он вообразил себя руководителем и знаменосцем». Далее случилась примечательная сцена:

Разговор шел в частности о родственных чувствах и дружбе. Здесь было множество жалких старцев с бескровными лицами, потухшими взорами; мерзость прозябания и самого низменного материализма отпечатлелась во всех их чертах. Были старухи, порождения XVIII века, с претензией на глубокие чувства... Были молодые люди обоего пола, гнусные продукты целого века испорченности, бездушные куклы, странная помесь полнейшей пустоты и огромных притязаний. И все это общество болтало о чувствах, о любви и дружбе. Не зная почти никого, я долго не принимал участия в беседе, но когда г-жа Левашова, женщина большого ума, спросила моего мнения, когда начали говорить вообще об обязанности любить своих родителей, когда заговорили о том, что привычка является законным основанием всякого чувства, тогда я излил всю свою жолчь на это стадо бездушных существ, лишенных веры, любви и мысли. Нас было трое против всех остальных: мадам Левашова, г. Ча[а]даев и я.

[Там же, с. 249]

Если Бакунин и расходился с Чаадаевым в неизвестных частностях, то в главном они были заодно — против просветительского рационализма.

Прогресс чувства для Бакунина был основным. 10 августа 1836 года он писал своим сестрам Татьяне и Варваре: «Так как в человеке все развивается прогрессивно, то и наша взаимная любовь будет становиться сильнее; ибо все те, кто

² Белинский В. Г. [Рец. на кн.:] Естество мира, или Вечность во времени, а пространство в объеме. А. Т. // Молва, газета мод и новостей. Часть одиннадцатая. (Приплёт к журналу «Телескоп»). № 3 (5 марта 1836 г.). С. 89. Стоит отметить, что в переводе первого «Философического письма», опубликованном тем же издателем Н. И. Надеждиным в журнале «Телескоп» спустя семь месяцев, французский термин «le progrès» по-прежнему переводился словами «развитие» и «совершенствование» [Чаадаев, 1991, т. 1., с. 92, 96, 97, 98, 103, 652, 659–660, 661, 663, 672].

является братьями и сестрами в Господе, пребудут ими вечно, а узы, связующие их, будут становиться все более и более святыми» [Там же, с. 330]. Белинский также сообщал Бакунину в письме от 16 августа 1837 года о происходившем в бакунинском поместье Прямухино «прогрессивном ходе вперед к бесконечному совершенству» и «прогессе в развитии чувства» к женскому полу [Белинский, 1953–1959, т. 11, с. 174, 176]. Святость чувства основывалась на религии и откровении. В одной из статей 1838 года Белинский писал: «Есть книга, в которой всё сказано, всё решено, после которой ни в чем нет сомнения, книга бессмертная, святая, книга вечной истины, вечной жизни — евангелие. Весь прогресс человечества, все успехи в науках, в философии заключаются только в большем проникновении в таинственную глубину этой божественной книги, в сознании ее живых, вечно непреходящих глаголов» [Там же, т. 2, с. 555–556].

Проблематика исторического прогресса стала актуальной для Белинского в связи с увлечением философией Г. В. Ф. Гегеля. Прогресс теперь воспринимался им как всеобъемлющий и неизбежный. Первоначально, как и у Чаадаева, речь шла об оригинальности российского пути:

Ход нашей истории обратный в отношении к европейской: в Европе точкою отправления жизни всегда была борьба и победа низших ступеней государственной жизни над высшими: феодализм боролся с королевскою властью и, побежденный ею, ограничил ее, явившись аристократиею; среднее сословие боролось и с феодализмом и с аристократиею, демократия — с средним сословием; у нас совсем наоборот: у нас правительство всегда шло впереди народа, всегда было звездою путеводною к его высокому назначению; царская власть всегда была живым источником, в котором не иссякали воды обновления, солнцем, лучи которого, исходя от центра, разбегались по суставам исполинской корпорации государственного тела и проникали их жизненною теплотою и светом. В царе наша свобода, потому что от него наша новая цивилизация, наше просвещение, так же, как от него наша жизнь.

[Там же, т. 3, с. 246–247]

Вскоре, однако, политические представления Белинского поменялись, но само понятие «прогресс» осталось центральным. Именно под влиянием «неистового Виссариона» слово в начале 1840-х годов стало общеупотребительным. «Прогресс и движение сделались теперь словами ежедневными», — отметит публицист в 1842 году [Там же, т. 6, с. 92].

В споре с Гегелем стали оформляться историософские взгляды А. С. Хомякова. В 1838 году он начал писать свою «Семирамиду», в которой изображал раз-

витие мировой истории как борьбу духового и материального начал [Хомяков, 1994, с. 445]. Влияние Шеллинга было заметным. Затем появилась хомяковская записка «О старом и новом», в последнем абзаце которой, в частности, говорилось:

Настало для нас время понимать, что человек достигает своей нравственной цели только в обществе, где силы каждого принадлежат всем и силы всех каждому. Таким образом, мы будем подвигаться вперед смело и безошибочно, занимая случайные открытия Запада, но придавая им смысл более глубокий или открывая в них те человеческие начала, которые для Запада остались тайными...

[Там же, с. 470]

Хомяков формулировал свою версию исторического прогресса. При всей разнице в оценке русского прошлого между взглядами Чаадаева и его друга Хомякова на настоящее и будущее России в 1830-е годы было много общего.

Итак, в конце 1820-х годов в России впервые была сформулирована оригинальная концепция исторического прогресса. П. Я. Чаадаев понимал под ним развитие религиозного духа (как персонального, так и общественного). Такой прогресс не подразумевал линейности, он предполагал прорывы и провалы человечества на пути к Небесному Царству. После Французской революции 1830 года прогресс связывался Чаадаевым с формированием в России оригинальной политической и культурной традиции. В значительной степени такие представления увязывались с шеллингианством. Русские шеллингианцы 1830-х годов делали упор на прогресс личного разума и чувства. Гегельянство принесло идею унифицированного прогресса, что в 1840-е годы поставит вопрос о возможности и степени оригинального развития России. Тем не менее понятие «прогресс» уже заранее усваивалось сторонниками разных точек зрения.

Список источников

Бакунин М. А. Собрание сочинений и писем. 1828–1876 / под ред. и примеч. Ю. М. Стеклова. [М.:] Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934. Т. 1: Догегелианский период. 1828–1837. 492 с.

Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953–1959. 13 т.

Достоевский Ф. М. ⟨Объявление о подписке на журнал «Время» на 1861 год⟩ // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1978. Т. 18. С. 35–40.

Кара-Мурза А. А. Итальянское путешествие Петра Чаадаева (1824–1825). М.: Аквилон, 2019. 112 с.

Киреевский И. В. Девятнадцатый век // Киреевский И. В. Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979. С. 79–100.

Станкевич Н. В. Я. М. Неверову. 19 сентября 1834 // Станкевич Н. В. Поэзия. Проза. Статьи. Письма / [вступ. ст., сост., примеч. Б. Т. Удодова]. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1988. С. 185–186.

Хомяков А. С. Сочинения в двух томах. М.: Московский философский фонд; Издательство “Медиум”, 1994. Т. 1. 592 с.

Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: в 2 т. М.: Наука, 1991. 2 т.

Шевченко М. М. Конец одного Величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М.: Три квадрата, 2003. 272 с.

Шеллинг Ф. В. Й. Система трансцендентального идеализма // Шеллинг Ф. В. Й. Сочинения в 2 т. Пер. с нем. / сост., ред., авт. вступ. ст. А. В. Гулыга. М.: Мысль, 1987. Т. 1. С. 227–489.

References

Bakunin, M. A. (1934) *Sobranie sochinenii i pisem. 1828–1876. Tom 1: Dogegelianskii period. 1828–1837* [Collected works and letters. 1828–1876. Vol. 1: Pre-Hegelian period. 1828–1837]. Edited and noted by Yu. M. Steklov. [Moscow:] Izdatel'stvo Vsesoyuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'nposelentsev.

Belinskii, V. G. (1953–1959) *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works] (13 vols). Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.

Dostoevskii, F. M. (1978) “(Ob'yavlenie o podpiske na zhurnal ‘Vremya’ na 1861 god)” [“(Announcement of subscription to the magazine ‘Time’ for 1861)”], in Dostoevskii, F. M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh. Tom 18* [Complete works: 30 vols. Vol. 18]. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie, pp. 35–40.

Kara-Murza, A. A. (2019) *Ital'yanskoe puteshestvie Petra Chaadaeva (1824–1825)* [The Italian journey of Peter Chaadaev (1824–1825)]. Moscow: Akvilon.

Kireevskii, I. V. (1979) “Dvyatnadtsatyi vek” [“The Nineteenth century”], in Kireevskii, I. V. *Kritika i estetika* [Criticism and aesthetics]. Moscow: Iskusstvo, pp. 79–100.

Stankevich, N. V. (1988) “Ya. M. Neverovu. 19 sentyabrya 1834” [“To Ya. M. Neverov. September 19, 1834”], in Stankevich, N. V. *Poeziya. Proza. Stat'i. Pis'ma* [Poetry. Prose. Articles. Letters]. Introductory article, comp., notes by B. T. Udodov. Voronezh: Tsentr.-Chernozem. kn. izdatel'stvo, pp. 185–186.

Khomyakov, A. S. (1994) *Sochineniya v dvukh tomakh. Tom 1* [Works in two vols. Vol. 1]. Moscow: Moskovskii filosofskii fond; Izdatel'stvo "Medium".

Chaadaev, P. Ya. (1991) *Polnoe sobranie sochinenii i izbrannye pis'ma: v 2 tomakh* [Complete works and selected letters: 2 vols] (2 vols). Moscow: Nauka Publ.

Shevchenko, M. M. (2003) *Konets odnogo Velichiya: Vlast', obrazovanie i pechatnoe slovo v Imperatorskoi Rossii na poroge Osvoboditel'nykh reform* [The End of one Greatness: Power, education and the printed word in Imperial Russia on the threshold of Liberation reforms]. Moscow: Tri kvadrata.

Schelling, F. V. I. (1987) "Sistema transtsendental'nogo idealizma" ["The system of transcendental idealism"], in Shelling, F. V. I. *Sochineniya v 2 tomakh. Tom 1* [Works: 2 vols. Vol. 1]. Translated from the German. Compiled, edited, author of introductory article A. V. Gulyga. Moscow: Mysl', pp. 227–489.

Информация об авторе: Федор Александрович Гайда — доктор исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Адрес: Российская Федерация, 119192, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4; ведущий научный сотрудник Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4

Information about the author: Fyodor A. Gayda — DSc in History, Associate Professor at the History Department of the Lomonosov Moscow State University. Address: 4, 27 Lomonosovsky Prosp., Moscow, 119192, Russian Federation; Leading Research Fellow at the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, National Research University "Higher School of Economics" (HSE University). Address: 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.04.2023;
одобрена после рецензирования 01.06.2023;
принята к публикации 10.06.2023.

The article was submitted 21.04.2023;
approved after reviewing 01.06.2023;
accepted for publication 10.06.2023.